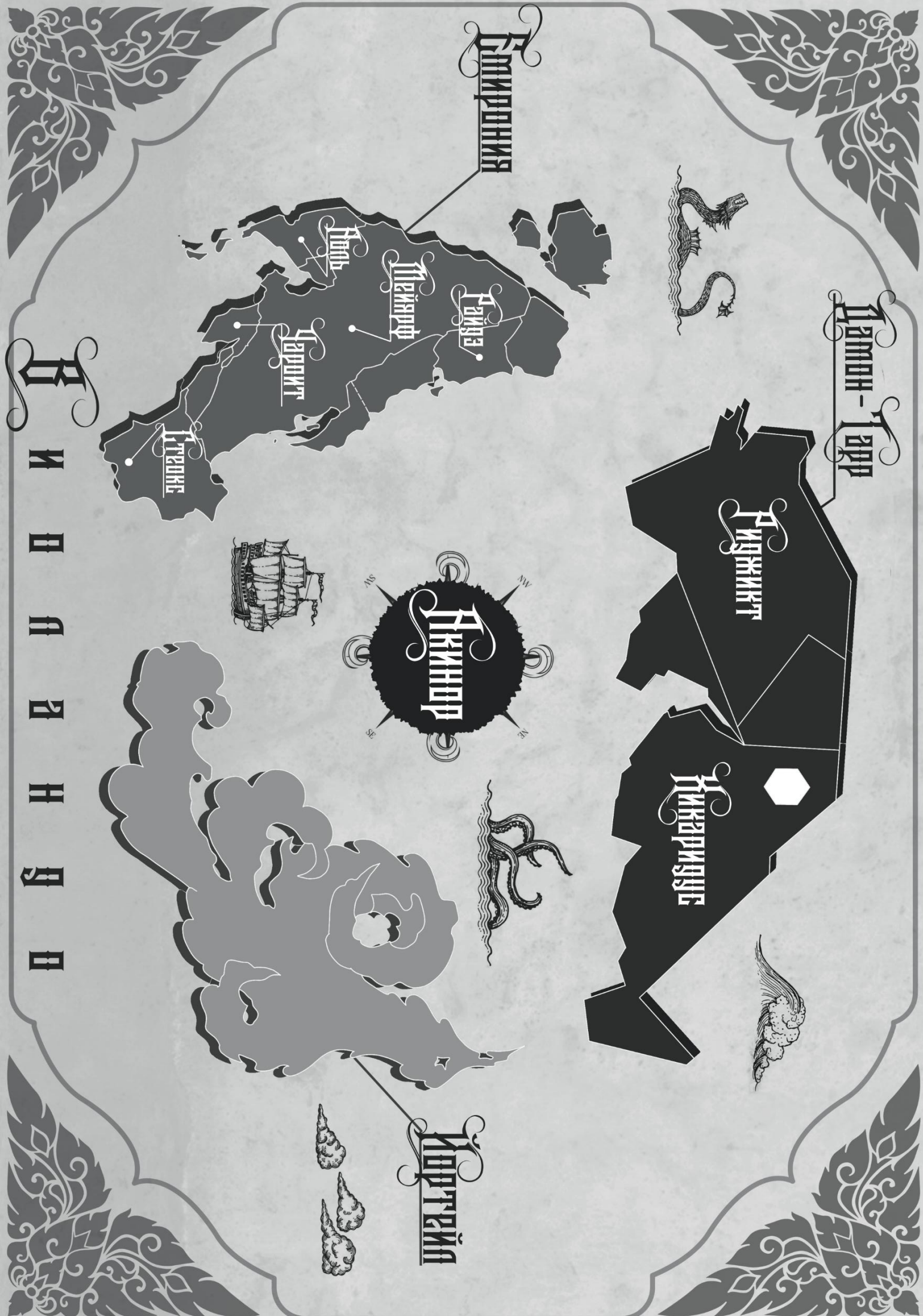

22 мая
Металлический
Календарчик

И
П
П
В
Н
У
П

22 СЛОЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

(ОТРЫВОК ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ)

22 Слая

Металлический колокольчик; — Торакс, Издательство «Некий Мистер Бестелесность», 2025. — 280 с.

Мы здесь не любим родителей. Кашель, ржавчину, асфальт и ночную романтику — вот что мы обожаем. Что угодно, но только не маму с папой. Они разговаривают со мной, а я перевариваю здравый смысл и жду, пока кто-то переварит меня.

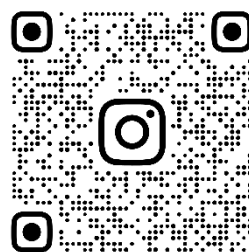
Из нас недавно выскользнула человечность — в этом и основа истории. Маленькие люди хотят её найти в переулках и мусорных баках, но сами там и пропадают. А я, кажется, очень большое звено общества, но очень маленький человек.

Всё, стучат. Сейчас я выйду наружу, и меня съедят большие люди. Но только я встаю — раздается лучшая музыка и распускаются любимые цветы. Людоедство откладывается до следующего вечера. Выйду завтра, если, конечно, папа меня отпустит.

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

МОЙ ИНСТАГРАМ

22_LAYERS_OF_ME

© 2025 by 22 Layers. All rights reserved.

©Перевод на ридас ООО Издательство «Некий Мистер Бестелесность», 2025

Права на издание получены по соглашению с 22 layers. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в Эмиронии в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ООО «Некий Мистер Бестелесность», Дамон-Тарр, Торакс, блок «Тритон», ул. Неугасаемого оркестра, 6, угол T6T

СОБЫТИЯ ЭТОЙ ИСТОРИИ ПРОИСХОДЯТ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ КНИГИ. НИЖЕ ВЫ НАЙДЕТЕ ПЕРЕЧЕНЬ КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ ВСЕЛЕННОЙ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

1. АМАЛЬГАМА

1-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

ПРОЦЕСС, КОТОРЫМ НАЗЫВАЮТ СЛИЯНИЕ ЧЕТЫРЕХ РАЗНЫХ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ, ПРИВЕДШИЙ К ПОЯВЛЕНИЮ НОВОЙ ПЛАНЕТЫ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ ВИОЛАНДО.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЛИДЕРОВ СТРАН КАК СЕВЕРНОГО, ТАК И ЗАПАДНОГО МАТЕРИКОВ, НА КОТОРОЙ ОПРЕДЕЛЯЛИСЬ КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В РАМКАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА.

2. ПЕРВОЕ ЦЕЛЬНОЕ

6-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

3. СКРЕЖЕТ

48-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

АНОМАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ МИРОВОГО МАСШТАБА, ПРИВЕДШЕЕ КАК К ГИБЕЛИ БОЛЬШОЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ТАК И К ПОЯВЛЕНИЮ У НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ НОВОГО ВИДА ЭНЕРГИИ, НАЗЫВАЕМОГО АМАРАНТИНОМ.

ВТОРОЕ ПО СЧЕТУ СОБРАНИЕ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ, НА КОТОРОМ ОБСУЖДАЛИСЬ ВОПРОСЫ ПОСЛЕДСТВИЙ СКРЕЖЕТА, САМОЙ ПРИРОДЫ АМАРАНТИНА И ОТНОШЕНИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА К ЕГО НОСИТЕЛЯМ.

4. ВТОРОЕ ЦЕЛЬНОЕ

48-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

5. МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

49-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

МОЯ ВТОРАЯ КНИГА. ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

НА ЮГЕ СТЕОКСА ЗАВЕРШАЕТСЯ СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАМКА, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ ДОМОМ ДЛЯ ПЕРВЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

6. ОРТОРУС

50-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

7. БЕСКОНЕЧНОСТЬ, ПЛЮС-МИНУС

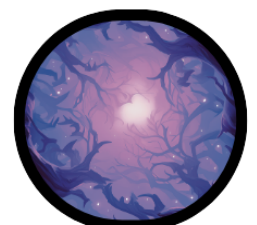

54-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА. ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ СВЯЗАНА С ОСНОВНЫМ ЦИКЛОМ. ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ КОНЦЕПЦИЮ МИРА И СОБЫТИЯ ДРУГИХ РАССКАЗОВ.

МОЯ ТРЕТЬЯ КНИГА. ЭТА ИСТОРИЯ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

8. ТРАУР/ПРАЗДНИК В СЕМИ ЦВЕТАХ

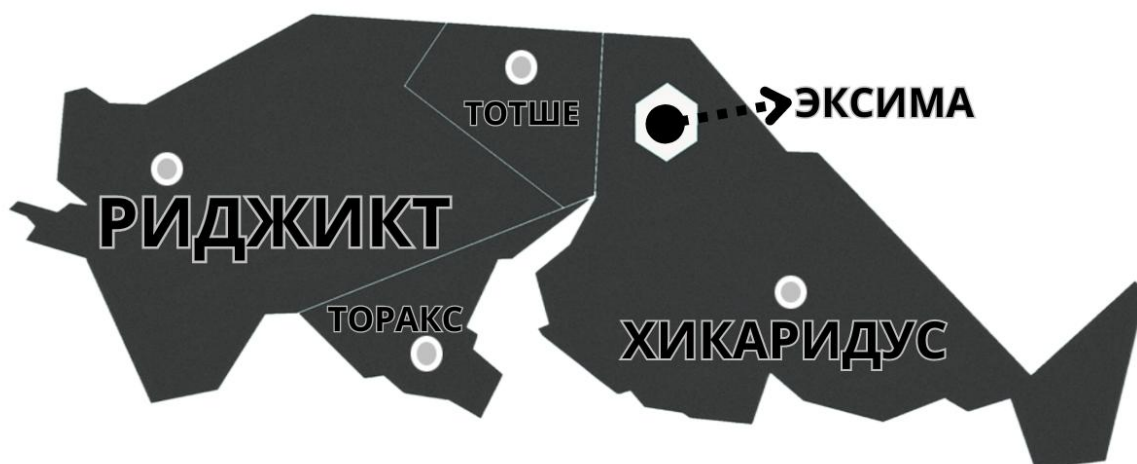
55-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

БУДУЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО
ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ОТКРОЮТСЯ СЛОЙ ЗА СЛОЕМ.

МЫ СОЗДАЛИ ИСТОРИЮ О ЖЕСТОКОСТИ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ СУТЬ ЛЮБВИ.

Через утраченное детство и болезнь, через грязные улицы, недосыпание и животный страх мы захотели передать что-то большее, чем отчаяние. Хоть эта книга прочно связана с серостью, она не о ней. Не об озверевших, сумасшедших, отчаянных и утопающих. Не о чудовищах и жертвах, обитающих в каждом переулке и на каждой странице книги. Она о тех, кого всеобъемлющий мрак так и не смог поглотить.

ПРИМЕЧАНИЕ. ДАМОН-ТАРР

Дамон-Тарр — северный континент Виоландо, состоящий из пяти государств. Технологически и концептуально это более развитая территория, чем Эмирония, — здесь политический строй и структура государства несут в себе значительно большую роль, чем на западном континенте.

Два государства, Риджикт и Хикаридуc, занимают большую часть материка и являются сверхдержавами с совершенно разной идеологией, а также экономическим, политическим и социальным устройством. Пока первая страна следует концепции меритократии, вторая ставит идею индивидуализма выше других. Выдержанность против пестроты, тяга к естественным нормам против идей вне рамок, изоляция государства против безудержного стремления к глобализму — Риджикт и Хикаридуc слишком разные, чтобы описать их контраст парой слов.

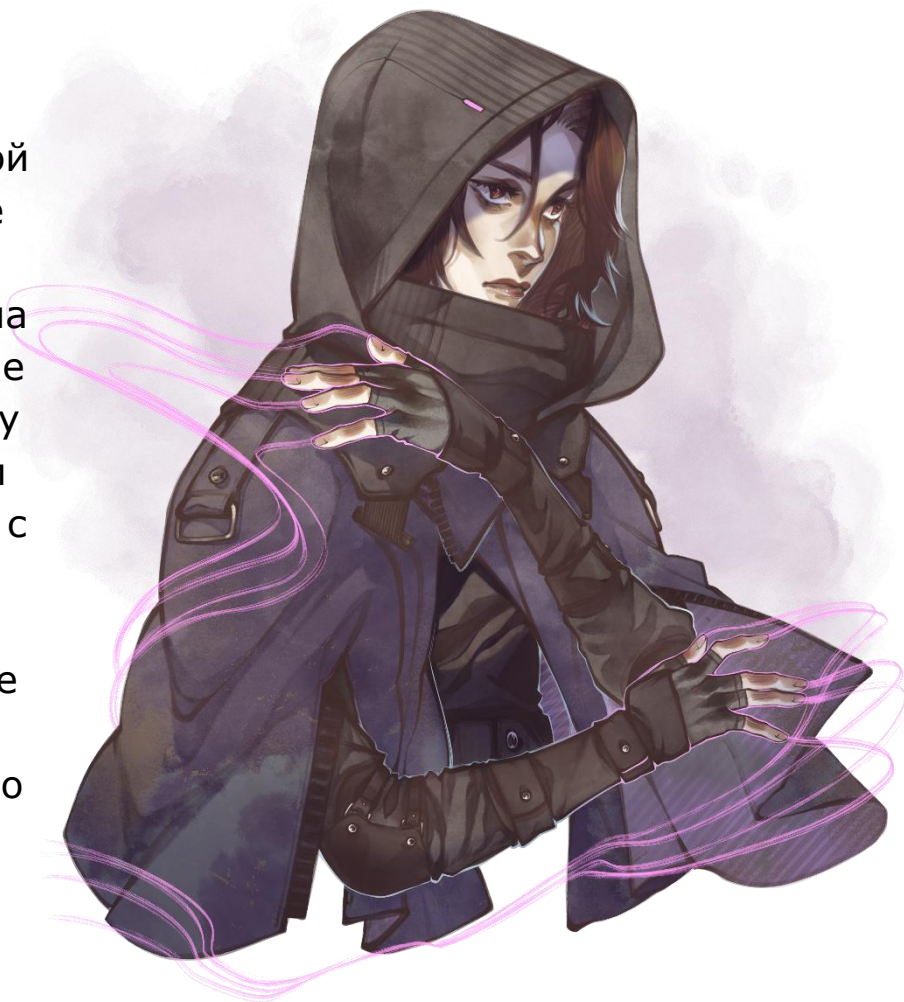
Самым маленьким городом-государством на материке является Эксима, которая выступает гегемоном на Дамон-Тарре за счет чрезвычайно развитых отраслей высоких технологий. Она мало изучена другими странами и почти полностью сосредоточена на внутренней политике, поэтому каждый ее шаг международного значения пусть и редок, но всегда непредсказуем.

Четвертое государство, Тотше — символ окончания колониальной эры и борьбы за территории между Хикаридуcом и Риджиктом. Государство стало самостоятельным и постепенно приобрело свою модель развития и строя. Тотше значительно уступает ведущим странам практически во всех областях, однако олицетворяет собой отход от биполярного мира и новизну идей.

Пятое государство, Торакс — это место, которое приветствует каждого, кто в нём окажется. Приветствует и уже больше никогда не отпускает.

ВЕНДИ

Юная разведчица, которой не остаётся ничего, кроме как раствориться в романтическом городе. Хотела бы любить свою жизнь, а не ломать чужие, но она этому так и не научилась. Венди никак не может расстаться с бесполезным хламом, поэтому всё хранит: странные книги, плюшевые игрушки и веру, что однажды жизнь непременно станет лучше.

МОНИКА

Заблудшая душа, которую занесло слишком далеко от дома. Она не видит романтики в мёртвом городе и не подозревает, что ему это до тошноты не нравится. Моника уверена, что тёмные улицы города ей не навредят. Не знает только, что все пропавшие без вести тоже разили этой стальной уверенностью.

Глава 1. Город грустной романтики

Есть в Тораксе какая-то чарующая меланхолия, особенно после заката. Такую больше нигде не встретить, да и вряд ли хоть кто-то будет искать. Хтонику наблюдала свысока.

Как и остальные зрители, девушка сидела на парапете пятиэтажного здания и смотрела вниз. По руке стекало мороженное, ноги покачивались вперёд-назад, а собаки на улице доедали людей. Недопонимание переросло в жаркую перепалку, и ситуация полностью крутанулась по оси.

Сначала проигравшим надели на головы тканевые мешки, отчего стало немного грустно. Но тоска развеивалась, стоило только глянуть на напарницу рядом, которая сидела в обнимку с чёрной дырой. Будто они поднялись на колесе обозрения к самому верху, а потом застряли там, чтобы наблюдать за происходящим. Это романтика скрашивала обстановку, невзирая на детали.

Когда здоровяк Бриккт спустил собак, те набросились на связанных людей. И пока мольбы утихали на фоне рычания и лая, за парой домов кто-то запустил салют.словно парк развлечений, с мороженым в руках, громкими криками и щекочущим чувством внутри. Она немного приуныла от того, что в Тораксе всё работало не так, как везде. Мороженое уже растаяло, бабочки в животе были простой тошнотой, да и люди визжали из-за того, что их разрывают заживо, а не от радости. Но если закрыть глаза и поиграть с воображением, то будто в детство возвращаешься.

Хорошо хоть мешки на головах сдерживали звук. Тела извивались как опарыши, крутились, пытаясь защититься от зубов, но в итоге их загрызли, всех до одного. А салют пестрил красным и жёлтым. Это показалось удивительным и совершенно ненормальным событием — кому в голову пришло бы окрасить этот город в целых два цвета?

Взгляд упал на останки, затем на сидящих рядом людей и своё мороженое. Она слизала белые ручейки с руки. Интересное чувство, такая «романтика на последних секундах жизни», которая всё же остаётся романтикой, как ни крути. Будто идёшь с любимым человеком за руку и знаешь, что в конце дня, после поцелуя, ты его разрежешь, сожжёшь или удушишь. С одной стороны, грустный исход,

и становится тоскливо. Но свобода выбора в самом конце и касание его руки... В этом-то и вся патока Торакса. К счастью или нет, но Хтоники любила сладкое до мозга костей.

* * *

После зрелища нужно было отправляться на следующее свидание. Вскоре её работа была сделана. Тогда оставалось отдыхать и смотреть, как людям разбивают головы битами. Мало кого душили, куда чаще просто забивали насмерть. С каждым часом ночь становилась глубже, с каждым ударом человеческое лицо всё сильнее менялось. Рядом стояли такие же никудышные бойцы, как и она, и тёмное пятнышко — человек по имени Дарко.

А другая часть группы, та, что любила подраться, не жалела сил. Люди звали на помощь, и это придавало драйва. Некоторые из Хтоники¹ начинали выть как волки, настолько их восхищало происходящее. Никто не вмешивался, а результат был всегда очевидным. Но даже когда работа заканчивалась, азарт и злоба никуда не пропадали.

— Нам нужно бы уходить.

— Нужно бы, — испачканная в крови рыжеволосая девушка едва держала сигарету в дрожащих руках. Она упёрлась спиной на стену, съехала вниз и захихикала.

— Желательно уже.

— Венди, — та затянулась. — Закрой свой поганный рот. Уйдём. Дай прийти в себя.

— Тут недалеко «Цикл»². Тринадцать человек.

Девушка не ответила, только высокомерно фыркнула. Человек, продавший себя чёрному цветку, подошел к ней и аккуратно забрал сигарету. Он на ощупь нашёл одно из тел, положил окурочек ему в рот и едва коснулся щёк грубиянки. Та перестала улыбаться, а тело Венди покрылось гусиной кожей.

— Нерра, мы уходим. На сегодня всё. Идите и отсыпайтесь.

Казалось, эта его мягкость вот-вот самовоспламенится, станет жестокостью, и он всадит в неё нож по самую рукоять. Но эти пальцы всегда обходились нежно, словно прикасался святой человек.

¹ Хтоники — одно из звеньев. Звеньями в Тораксе называют группировки, занимающиеся теневой деятельностью.

² Цикл — главная антикриминальная негосударственная община Торакса. В большинстве своём это добровольцы, желающие побороть высокий уровень преступности и вывести город из стагнации.

Начинался дождь. Дарко направился вдоль узкой улицы, подальше от мест, где ходили люди. Остальные разбрелись кто куда. Только Венди с Неррой замешкались. Первая неодобрительно смотрела на напарницу, которая не спешила, а лишь достала новую сигарету.

— Какая же ты, конечно, шваль, — слова, брошенные через смехок, были наполнены желчью.

Венди переступила через мёртвого человека и пошла в своём направлении. Ждать и уговаривать Нерру было бессмысленно. Главное — самой не сорваться. Венди много раз представляла, как отрезает этому человеку язык, как ту живьём разрывают собаки и уродуют ударами холодного металла. Пожалуй, единственный человек, на мучения которого она бы смотрела с восторгом.

Но главное, чтобы мысли остались лишь мыслями. Важно не соскользнуть рассудком с края и не стать похожей на Нерру. И сейчас, несмотря на всю мешанину ненависти и злобы внутри, падающие с неба капли каким-то образом помогали совладать с собой.

* * *

Венди давно уже заучила каждый уродливый камушек на пути домой. В редкие моменты, когда лил дождь, за спиной отрастали водяные крылья: что-то расцветало внутри и жило ровно до того момента, как она поворачивала дверную ручку.

Всегда, когда открывалась дверь домой, в нос бил запах йода. Дым от благовоний выветривался, а вот йод — наоборот. Он давно пропитал обои, и, чтобы искоренить его, оставалось лишь сжечь дом. Ароматный дым перебивал неприятную вонь, но только на несколько часов.

— Вставай. Лекарство.

Отец покрутился в кровати, немного поохал и едва нашёл силы подняться.

— Как твой вечер? Попала под дождь, да?

— Хорошо. Он нехолодный, всё нормально.

— Много людей на выступлении было?

— Целый зал. Всех удивили.

— Главное — не зазнаваться, когда тебе рукоплещут. И не сдаваться, когда аудитория молчит.

— Я знаю. Запей. Я пока разогрею тебе еду.

Никто не спешил делиться словами. Слабые пальцы коснулись блюда.

— Когда ты планируешь сыграть для меня? Я бы очень хотел.

— Не знаю.

— Мне это интересно. Просто...

— Я сама очень хочу, но нам нельзя выносить инструменты. Меня оштрафуют. Понимаешь?

Он проглотил еду так же, как этот дом когда-то проглотил его самого. Но даже сам дом был только зёрнышком в желудке помойных улиц, а те, лишь капиллярами чего-то ещё более грязного и непостижимого.

— Я понимаю. Посплю немного. Плохо.

Он нащупал руку дочери и положил свою поверх. Посмотрел и улыбнулся, надеясь на ответ. Венди смотрела на лицо перед ней и видела всё то же. Вязкая и немощная жижа, принявшая форму человека. В запавших глазах вот уже сколько дней читалась безнадёжность. Иногда это выливалось в антипатию, которая, как и дешёвые духи, выветривалась уже к утру. И даже так, сейчас колола жалость, поэтому она улыбнулась через силу.

— Поспи, конечно. Набирайся сил.

— Сейчас выплюсь как младенец и станет лучше.

Он говорил так каждый раз и действительно засыпал через пару минут. Разобравшись с бытовой суетой, Венди залезала на широкий подоконник. Он находился высоко над полом — приходилось становиться на стул. Это было единственное место в доме, где девушка чувствовала себя относительно спокойно. В этой маленькой конуре всё тянулось так же медленно, но пропадало чувство, что стопы прикасаются к асфальту.

Сил совсем не было. Она глянула на ловца снов, и маленький импульс внутри всё никак не мог стать больше. Хотелось пойти за ним, но телу срочно нужен был отдых. Не сегодня. Ноги упёрлись в откос подоконника, подушка оказалась под головой, и Венди уснула в сидячем положении.

Проснуться пришлось из-за чувства, будто тараканы бегают по телу. Она открыла глаза и прислушалась. Звук, словно кто-то приоткрыл очень скрипучую дверь и дёргает то туда, то обратно. Жик-

жик... Молчание. Жик... Пришлось слезть с подоконника и подойти. Так просто не разбудить.

— Проснись. Просыпайся, давай, — она аккуратно трясла за плечо.

— А? Кха?

— Ты снова скрипишь зубами.

— Я?

— Да. Где твоя капа?

— Капа?

Венди устало выдохнула. побыстрее бы всё закончить. Она включила свет и принялась искать маленькое приспособление. То закатилось в наволочку от подушки.

— Надевай.

Мужчина провозился с вещицей, и только потом можно было выключить свет. Венди забралась обратно, подумала о чём-то совершенно незначительном и снова уснула.

Через три часа браслет на руке завибрировал так сильно, что, даже потеряй сознание, и он тебя разбудит. Каждый раз от всей этой внезапности приходилось просыпаться в полнейшем испуге. Ощущение тревоги не удавалось побороть так же быстро, как выключить браслет. После сна не покидало ощущение, что шприцом из тела вытянули всю энергию, которую только можно было забрать. Приходилось сидеть и по пять-десять минут смотреть в одну точку. Уже потом, насыщаясь воздухом ещё спящих улиц, сознание прояснялось. Нужно было оказаться на месте как можно скорее.

* * *

Гостя пряталась от дождя под широкой шляпкой фонаря и наспех что-то записывала в блокноте. В новинку ей был и чахлый свет от ламп, и разваленные одноэтажные дома, из-под темноты которых иногда доносился кашель. Давно надоевшие всем узкие проходы между зданиями, распиленные у основания заборы, усеянные разбитым стеклом дороги, разбросанные по улицам гвозди с листовками, подолгу немытые дети, их издавна хворые матери и пропащие отцы — всё это было доселе невиданным и должно было оказаться на бумаге.

Девушка не мешкала и знала, о чём хочет рассказать, но не написала и двух страниц, как услышала хлюпанье неподалёку. Кто-то будто прыгал с лужи на лужу, избегая сухих участков. Гостья посмотрела за угол, но с середины узкого перекрёстка никого не было видно. Только когда звук стал ещё ближе, та сообразила поднять голову и посмотреть выше. По крышам низеньких домов бежала девушка, перепрыгивая с одного строения на другое. На домишки, что были явно повыше, она забраться не пыталась, наоборот, с каждой секундой становилась всё ближе к земле. Рассмотреть было нельзя, но казалось, что над домами образовались целые водоёмы, ведь куда ни ступи ногой — хлюпанье.

Шустрая тень приблизилась и пробежала по крышам у самого перекрёстка. Стоило ей только спрыгнуть и завидеть незнакомого человека, как на лице появилось полнейшее замешательство.

— Вот дьявол, что ты тут ночью шастаешь?

Сразу же озадачил тон, с которым незнакомка это произнесла. В нём читались и претензия, и возмущение, но точно не любознательность.

— Прости? — переспросила гостья незнакомку.

Та подошла чуть ближе, показывая пустые ладони.

— Послушай, тебя не должно тут быть. Ну вот совсем. Тебе бы поскорее уйти.

Взыграли интерес и какое-то банальное желание не принимать каждую фразу за чистую монету. Она не любила, когда не по существу.

— Почему? На карте это безопасная зона.

Собеседница прикрыла глаза и заслонила ладонями нижнюю часть лица. Она тяжело вздохнула, убрала руки и помотала головой.

— Ты по этой дороге пришла? — Венди показала на крутой склон и в ответ получила кивок. — Тогда вернись обратно этим же путём. И никогда не приходи сюда в тёмное время суток. Никогда. Это не угроза и не прочая лабудень. Просто совет, как не вляпаться.

Она махнула рукой и тут же рванула с места. Девушка направлялась всё туда же, но бежала уже не по крышам, а по тоненьким улочкам. Даже с места их встречи было видно, что дальше по пути какая-то крупная площадь, более широкие кварталы и улицы чуть попрестижнее этих.

Гостья ещё раз глянула на карту — всё точно, синий клок³. Он должен быть совершенно безопасным, как и семь других. Остался какой-то странный осадок — не плохой, но и не хороший. Скорее

³ Клок — территориальная единица Торакса, аналог района. Весь город поделён на 17 клоков.

всего, просто колкое чувство недосказанности. Когда что-то непонятно, человек вежливо задаёт вопрос, и ему вежливо отвечают — вот так это должно работать. Поэтому озадачивали разного рода обрывистые фразы, вероятно, не соответствующие действительности. Внутри разыграл какой-то принцип: мол, если человек, тем более незнакомый, не умеет объяснять доходчиво, то заржавевшая монета — вот цена за слова таких умников.

С другой стороны, ступор незнакомки не казался поддельным. Настолько искреннее удивление от их встречи, что и речи о наигранности быть не могло. Что-то подсказывало, что стоит продолжить записи завтра. Гостыя спрятала вещи в рюкзак, повернулась назад и быстрым шагом направилась в сторону крутого склона.

* * *

Часто Хтонику должна была действовать очень быстро. За ночь могли появиться срочные свидания, когда счёт шел на часы, а иногда и на минуты. Это стало именно таким — два человека, которые к утру уже могли покинуть город.

Информатор всё объяснял по пути. Венди его не слышала — её работа была совершенно в другом. Понадобилось семнадцать минут, и её часть была выполнена. Но только на время.

Меньше чем через четверть часа в глухом переулке били человека. Он уже отдал всё, что должен был отдать. Но били его то ли за то, с каким нежеланием он сдался, то ли потому, что у него было некрасивое лицо. Били те, кто отвечал за этот вид искусства — нанесение сжатого кулака на тонкий кожаный холст. К ним присоединились ещё несколько человек — их удары были не такими болезненными, но лишняя подошва на голове нагоняла ещё больше страха. А Венди, человек, показывающий дорогу, сидела в паре шагов от происходящего и делала вид, что никто не кричит. Так же поступали и другие, кто не хотел выплёскивать агрессию.

— Я очень голодная. Дарко, после будет кутёж?

— После чего, Нерра? Впереди ещё одно свидание.

— После последнего свидания. Устроим кутёж?

— Нет. Кутёж потом. У наших заказчиков сейчас проблемы, нужно помогать. Непокойные времена.

— Да, — подтвердил информатор и показал пальцем на жертву. — Вот это — не единственная ласточка, вылетевшая из гнезда без спроса. Такие, как он, начали докучать «Древоточцам»⁴ очень и очень, весьма и весьма. Грызут по полной. Там целый ряд таких людей, от которых сплошные проблемы.

— «Цикл» что ли? — предположила Нерра.

— Они-они. Кто ж ещё?

— Что будем делать?

— Выручать. Скоро птички нашепчут ещё больше подробностей. Нужных, важных. Тогда поиграем.

Здоровяк Бриккт снял с мертвеца куртку и издал довольный смешок.

— Что он там? — обернулся Дарко. — Кончились силы кричать?

— Кончились, — кивнул бугай, вытирая майкой кровь с кулака.

— Славно. Тогда на следующее свидание. Рэйш Кантамартиса, прошу.

Информатор протянул Венди фотографию человека. Девушка запомнила лицо и закрыла глаза.

Минута. И Венди явился образ человека.

Третья. Нити из её пальцев потянулись далеко-далеко, просачиваясь сквозь здания и проходя сквозь серых людей.

— Мы прямо в квартиру будем заходить?

— Прямо в неё.

Члены звена молчали. Пока Венди сидела с закрытыми глазами, Дарко запрокинул голову. Он влюблённым взглядом смотрел на электростолбы, которые через несколько часов осветит солнце.

Двенадцатая минута, и дорога к цели была прямо перед глазами.

— Вижу. Вижу дорогу. И конец. Он спит у себя дома. А на двери нарисована косая единица.

Лидер не ответил, пока взгляд не отлип от электростолбов. Настолько спокойный взгляд, что можно позавидовать. Он хрустнул пальцами и нащупал под ногами визитную карточку Хтоники. Никак не мог заставить себя смотреть на что-то другое помимо металлической биты. Пока другие звенья резали и стреляли в своих недругов, это вбивало их в асфальт. Слой крови на огромном сером покрывале под ногами — всё равно что песчинка. Никто и не заметит.

— Хорошо, что спит. Тогда пойдём и разбудим его. Веди.

⁴ Древоточцы — концерн, провозгласивший себя главой государства. Не имеет однозначной поддержки как со стороны других стран, так и со стороны жителей Торакса.

Когда randevу кончилось, наступило полноценное утро. Хтонике любое время было привычным, Венди — нет. Хоть было не по пути, она зашла в трамвайчик и села на заднее место. Чувствовала, что приближается. Всё приятно плыло. Голова оперлась на стекло, а тело расслабилось. Заснуть удалось очень быстро.

Проснуться — тоже. Трамвайщик потряс её и попросил выйти перед депо. Попросил, заметила она, вежливо — нечастое явление. Пришлось чуть подождать, чтобы поехать в другую сторону города. Пока ждала, Венди купила мясной рулет на палочке — хотелось хоть иногда себя побаловать. Мяса было не больше, чем в пачке макарон. Это можно было назвать чем угодно, но не мясом. Она завернула мерзкую закуску в пакет и зашла в трамвайчик. На обратном пути спать уже не хотелось.

За ней увязались, только она завернула в переулок. Венди пыталась делать вид, что не замечает, даже ускорила шаг. Но преследователь и не думал отставать, потому следовал прямо по пятам. Он не пытался прятаться и уж точно не был напуган. Девушка за угол — он за угол. Тогда она не выдержала и развернулась.

— Ладно, что тебе нужно?

— Тяф!

— Иди к своей маме или кто там у тебя. Давай-давай.

Венди тут же сообразила, в чём дело, и щенок проскулил, будто подтверждая все её догадки.

— Это дрянь, — она вынула закуску из кармана. — Это, что, по-твоему вкусно пахнет?

Венди понюхала и улыбнулась.

— Ну, пахнет лучше, чем на вкус, поверь мне.

Они уставились друг на друга. Из-за щенячьего пушка животное напоминало одуванчик, и от этого глупого сравнения стало смешно.

— Какой нелепый. Тебя ветром не унесёт?

Собака коснулась носом асфальта и посмотрела исподлобья. Только заскулить ещё не хватало.

— Ладно, попрошайка. Подожди.

Девушка положила рулет, чтобы щенку было чем заняться, аккуратно отошла назад и рванула так, будто Хтоника вызвала на новое свидание. Нельзя было тратить деньги попусту. Каждая монетка — шаг вперёд, а её трата — назад. Но в этот раз Венди перешагнула через правило и вернулась не с пустыми руками. Одно исключение на тысячу правил — так ведь тоже бывает.

В пакете было немного мяса, немного яблок, но больше всего было очищенной моркови. Собаки могут есть морковку — один из тех фактов, которые когда-то попались на глаза и отложились в голове по сей день. Щенок был на месте. Венди разорвала пакет и положила еду сверху. Собака даже не обнюхивала, а сразу принялась махать хвостом и есть.

Через час она вернулась в царство, где пахло йодом. Отец всё ещё не проснулся. Он спал крепко, но даже так Венди старалась не шуметь. В квартире всегда было тихо, поэтому шаги, шарканье и различный шелест казались единственными кратковременными признаками жизни. День был промежутком, о котором даже рассказывать было нечего. Он тянулся в медленном темпе, будто слизень. Недолгие разговоры с отцом, лекарства, готовка еды. Лампочки в их комнате почти никогда не включались. Мозги совсем не работали, потому альтернатив было не так много.

Вечером всё менялось. Венди устроилась на подоконнике и принялась перечитывать свою любимую книгу, в которой говорилось о снах и тех, кто их создал. Тут важно было читать вдумчиво и обращать внимание на каждое слово. Она пыталась разгадать секрет. Не тот, как создать свой сон, а как же эти сны соединяются. Приходилось вчитываться в абзацы — в одном из них точно прятался самый главный ответ. И человек, который находит дороги, просто обязан был найти и его.

Ладонь уже по привычке нырнула в небольшую щель под окном — там руке было прохладнее. Там проходили водопроводные краны, с которыми иногда приходилось возиться. Лёгкая прохлада — это так, приятная мелочь.

Отец что-то прокряхтел. Венди вслушалась. Он спал. Спал и даже не скрипел зубами.

Взгляд прилип к проводнику перед ней. Ловец снов висел прямо напротив. Он-то и должен быть соединяющим элементом, но даже перечитать всю книгу было легче, чем не оплошать на практике. Изодня в день она пыталась достучаться до сна родного человека, но не получалось. Иногда даже пыталась оказаться в сновидениях отца, но к нему, кажется, не приходили образы и картинки. Своего места у него не было, кроме этой квартиры. У Венди было так же, но родным местом был островок во сне.

Когда начинало клонить в сон, время теории оставалось позади. Пора было переходить к практике.

Ароматные палочки, что целый день лежали без дела, снова начали медленно тлеть, окутывая всё пахучим туманом. Для человека, который ищет дороги даже во сне, это важный вспомогательный элемент. Девушка засыпала сидя, всматриваясь в узоры ловца снов. Почти никогда сон не был для неё хаосом, что уносил сознание в неизвестном направлении. Она постепенно закрывала глаза, не меняя положения и не улетая слишком далеко.

Тогда на чёрном фоне появлялись самые яркие цвета. Это были направления, и их было много. Мосты, дороги, плиты, нити, даже потоки ветра — всё это куда-то приводило, но приходилось выбрать что-то одно. Каждый сон для Венди становился одним неповторимым результатом, и каждый раз она ждала, когда же наступит следующий вечер. Чтобы в этот раз точно найти, чтобы больше никаких неудач. Но каждое утро после поисков начиналось одинаково, будто надежду в ней насмерть забивали кувалдой.

В этот раз Венди снова пыталась навестить важного человека. Опять провал. После пары часов неудачных попыток мысли оказались в любимом месте. Каждый раз, как воздушные ноги наступали на поверхность, она могла оттолкнуться, чтобы пролететь на сотни шагов вперёд. Более того, поверхность могла появиться под ногами в любой момент, стоило лишь захотеть. Верх мог стать низом, чтобы все появившиеся табуны и стаи рванули к центру мира.

Венди предпочитала белое пространство, где желаемые вещи появлялись и пропадали, но не были статичными. Никаких постоянных облаков, водопадов, гор или чего-то масштабного. Её куда больше привлекали божьи коровки, которые прыгают на листьях папоротника, как на батуте. Чернозём снизу и тускло-жёлтое небо над ним держали этот мир с обеих сторон, чтобы он не раскололся. Как только позади неё прозвучал голос, сердце чуть пополам не треснуло от неожиданности. Венди дёрнулась, быстро развернулась и одновременно отпрянула назад. Весь придуманный мир очень быстро исчез.

— Шутишь? Дьявол, ты что, шутишь? Как тебя сюда могло закинуть?

Собеседница не нашла что сказать. Девушка была повыше, с чуть более ярким каштановым цветом глаз и волос, чем у самой Венди. Волевая — это слово очень хорошо описывало незнакомку, но помимо него, ничего другого в голову не пришло. Она осматривалась по сторонам, выглядела растерянной, даже удивлённой, но не испуганной.

— О, мы с тобой виделись сегодня ночью, — спокойно напомнила она. — Буквально недавно. Ты помнишь?

— Конечно помню. Дьявол, ещё бы не помнить.

— А куда делась... вся эта картинка позади тебя?

— Это же я, получается, впервые встретила с человеком в серпантине? Так, что ли?! — Испуганный тон сменился на восторженный. — Ты что, тоже веришь в связи асабикешí?

— Какие связи, прости?

— У тебя есть в доме вот такая вещь?

Девушка с каштановыми волосами будто коснулась невидимой кнопки в воздухе, и на её месте появился уже знакомый предмет.

— Сонная паутина, ловец снов. Слышала?

— А, есть. Я купила её вчера. Мы, получается, где-то во сне, да?

— В серпантине, на перепутье, — важно поправила Венди. — Это особые сны, где люди могут контролировать всё происходящее. Это очень редкий случай, когда оба человека могут пересечься в серпантине. Но я тебя уверяю, — она снова указала на ловца снов, — вот из-за него мы и увиделись. В теории мы должны были заснуть примерно в одно время, с асабикешí поблизости, мыслями друг о друге и чем-то ещё, пока не уверена, чем именно. Это верный способ пересечься во сне. Вот только мало кто в него...

— А у меня на двери. Висит, эта... Паутинка, я имею в виду. Не поблизости.

— Тогда чушь, — та искренне удивилась. — Тогда я что-то прогадала. Или старые народы не совсем правы. Я первый раз встречаюсь здесь с человеком, который смог прийти ко мне, честное слово. Обычно брожу сама. Скажи, а ты, получается, думала о нашей недавней встрече?

— А ты?

Они сцепились взглядами, и пару секунд их позиция казалась принципиальной.

— Дьявол, ну, хорошо. Да.

— Аналогично.

— Ты, наверно, не местная, правильно?

— Не местная.

— Ну вот, я потому и запомнила. Думала, что ты отмороженная, а это просто опилки в голове. Без обид.

— Я недавно прибыла в город. И так выходит, что ты первый человек, с которым у меня завязался хоть какой-то разговор. Кроме шуток — здесь так себе с общительностью. Пока не удаётся выйти с кем-то на контакт.

Венди только пожала плечами, словно отвечая, что ничего удивительного в этом нет.

— Из-за этого, думаю, и пересеклись в серпантине. Ну, что друг о друге перед сном.

— А... — Было видно, что собеседница явно хотела спросить что-то одно, но потом резко передумала. — Прости, а сколько мы можем тут находиться?

— Пока твой сон остаётся невесомым. У всех по-разному. Но если тебя что-то разбудит там, пусть даже на пару секунд, то здесь ты просто превратишься в белое пространство, по типу...

— Я поняла, — собеседница, насколько это можно было сделать тактично, перебила и жестом попросила не продолжать. — Тогда пока никто из нас не стал белым пространством и всё такое, я...

— Я не стану, потому что хорошо контролирую свой сон.

— Верю. Скажи, ты учишься где-то, правильно?

— А почему незнакомый человек спрашивает меня об этом?

— Хотела бы пересечься в свободное для тебя время. Есть одно дело, с которым я одна не справлюсь. Но никакой гадости, просто сейчас могу не успеть объяснить.

— Стоп, — хотелось быть уверенной, что собеседница не юлит и они правильно друг друга поняли. — Это просто на поболтать или ты сможешь заплатить мне, если я смогу помочь?

— Второе.

— Тогда можем встретиться, — сразу отрезала Венди. — Валяй.

Возле головы собеседницы появилось подобие карты города. Девушка ни слова не ответила и лишь кивнула в её сторону, прося выбрать место.

— А ты быстро учишься, — Венди начала присматриваться и выбирать место получше. — Даже карту представить смогла.

— Я купила в киоске и вчера целый день её изучала. Вот и запомнила. Пока не знаю названий местных улиц, они сложные. Вот тут, значит? Этот блок, который как откусанные пышные усы?

— Да. Вот на этом перекрёстке в три. Послезавтра, — Венди указала на конкретное место, и то окрасилось синим.

— Спасибо.

Девушка протянула ладонь, сложенную лодочкой — это был жест первого приветствия на материке, Дамон-Тарре, после которого люди обменивались именами. Жест этот должен был быть взаимным и зачастую люди отвечали на него, чтобы не показаться бестактными. Лишь когда второй человек клал сложенную лодочкой ладонь поверх, считалось, что можно произнести своё имя и утверждать, что ты знаком с человеком. Но в Тораксе плевать хотели на изогнутые ладони, чувство такта и всю эту излишнюю манерность.

— Венди, — девушка даже не подняла руки, просто пожала плечами и произнесла своё имя. — Я всю эту театральщину не очень люблю.

— Моника Сэйль. Хорошо, я запомню твои слова. Мне кажется, тут привычные всем традиции немного не ужились и то ли...

Моника не договорила. Её новая знакомая вмиг пропала, без звуков или знамений, стоило просто моргнуть. Весь мир с его божьими коровками начал терять контуры и расплываться.

— Контролирует она свой сон... Оно и видно.

* * *

«Выключить».

Три агрессивных нажатия на крохотную надоедливую кнопку. Как же раздражала эта вибрация. Венди запустила руки в волосы и тихонько простонала. Сразу встать не получалось, нужно было подождать, пока силы появятся. Это чувство после ночного пробуждения — оно не походило на простую усталость: всегда болели зубы, всегда ощущалось, как что-то пульсирует в голове, а тело одолевает болезнь. Разбей кто-то о её голову стакан, Венди осталась бы сидеть в такой же позе, только лишь волосы бы запачкались в крови.

Только появились хоть какие-то силы, и девушка соскочила с подоконника. Через шесть минут она уже была на улице. Одно радовало: нестись по ночным переулкам — одно удовольствие. Не приходится влиять между людьми и ловить на себе недовольные взгляды.

— Я тут, — запыхалась Венди.

Здесь были не все из Хтоники, только пятеро. Все присутствующие и формировали собой основной костяк группы: две пары кулаков, ищущая, информатор и тёмная материя. Все слушали друг друга и не перебивали.

Шоэнт, как ей рассказывали, с детства вынюхивал секреты. Внешность его была совершенно не фактурной, и, посмотри обычный прохожий на сотни лиц за день, лицо Шоэнта он бы забыл одним из первых. Так и выходило, что у информатора оседали в памяти все детали, пока окружающий мир не обращал на него внимания. Руки его были исхудалыми, потому что его было кому защитить, но язык оставался длинным, хоть и был завит в три узла. Человек сей мнил себя выше и благороднее тех, с кем водился. Жизнь он забирал не

битами и заржавевшими ножами, как остальные, а любимым мизерикордом, фамильярничал, трупов называл усопшими, а разбои — свиданиями. Оттого, что ходил он на подобные свидания каждый день, Шоэнт считался настоящим романтиком.

— Появилась лакомая щепотка свежих новостей, — сказал информатор. — Плюс одна проблема для наших друзей, а значит, плюс один заказ для нас. Одна зайка смылась с деньгами наших уважаемых «Древоточцев» и реши...

— Как?

Дарко разрешал перебивать только по существу и сам всегда делал так же. Шоэнт и правда иногда мог упустить ключевые детали.

— Вступила в их ряды. Пара вылазок под личиной «Древоточцев», а после — бам, и стащила сейф. Конечно, они искали её во всех ведомых местах. Пусто. Они-то её смогут найти, не сомневаюсь, но это вопрос срочный. Боятся, что до этого она вскрыет сейф и просадит всё до последней монеты.

— Что они предлагают?

— Двести триптихов.

— Что они просят?

— Чтобы обошлось без внимания «Цикла». И вернуть сумму в полторы тысячи триптихов. За зайку ничего не говорили.

— Я понял. Идеально бы закончить до рассвета. Приступаем.

Как и всегда, начало было частью Венди. Шоэнт протянул ей резюме, где обязательно была фотография и основные данные о человеке. Так лучше представлялся образ, и дороги от этого меньше петляли. Проводница всё запомнила, а потом закрыла глаза. В этот раз нужно было всего с десяток минут. Десять минут, чтобы выловить абсолютно незнакомого человека из многотысячной толпы.

Закончить до рассвета получилось. Когда от Шоэнта и Венди уже ничего не зависело, за дело брались Бриккт и Нерра. Ищущая смотрела на происходящее и обычно думала о своём. В этот раз, когда человек ползал по полу и выплёвывал кровь, в голове плавали мысли о том, чтобы хоть немного выспаться по возвращении.

«Завтра должен быть спокойный день. Встреча. Главное — не забыть о ней», — свистело в голове.

Тем временем население Торакса уменьшилось на одного человека. Тело забросили в окно одного из домов, которые называли «заболевшими» — в такие и бездомные не всегда совались. Кроме битого стекла, пустых бутылок и неприятных сюрпризов, там мало что можно найти. Через сутки на ближайших улицах появились объявления с фотографией:

«Пропала сестра. Пожалуйста, срочно помогите найти за солидное вознаграждение».

Награда так и осталась у расклейщика.

* * *

Уже несколько джаз⁵, как удалось превратить дневное время из круговорота усталости и нервов в круговорот прожигания времени. Днём хотелось спать, практически постоянно. Против сонного состояния особо не повоюешь — днём просто-напросто не было деятельности, которая прогоняла сон. Хтоники редко оживлялась в светлое время суток, а прогулки заканчивались сном на ближайшей лавочке.

По правде, достаточно было бы выспаться днём всего раз. Но Венди просыпалась, и каждый раз атмосфера в доме душила её до изнеможения. И если сама она открывала глаза, то тяга к чему-то интересному всё ещё находилась в спячке. Книжки пылились на полках, серпантин и сны ждали вечера, если повезёт. Либо снова готовить и слушать болтливую инвалида, либо опять закрыть глаза. На улицу не тянуло, хотя Венди знала, что стоит выйти, и мерзкое состояние развеется. Иногда прошагать до двери было куда сложнее, чем прикрыть веки. В первую очередь сложнее физически. Мышцы были слабыми, чтобы проветрить мозг, а мозг — чтобы напрячь мышцы. Только если Хтоники прикажет, только и только тогда.

Примерно с полудня до семи вечера нужно было просто отбыть, чтобы вялое и непонятно из-за чего изнурённое состояние прошло. Всё менялось раз в четыре дня, когда Венди пила прописанную врачом таблетку.

Злоупотреблять было нельзя, это она запомнила даже лучше, чем название диагноза. Ровно раз в четыре дня, и приступы сонливости в другие дни постепенно сойдут на нет. Глупый доктор, кажется, всё перепутал.

Таблетка давала драйв на весь четвёртый день, но не решала проблемы первых трёх. Одна пилюля с утра, и уже днём хотелось бежать вприпрыжку так же, как ночью и по вечерам. В такие дни Венди часто ловила себя на мысли, что вот же они, энергия и

⁵ Джаз — временной отрезок в тридцать шесть дней.

здоровье. И в серпантины хотелось, и даже весь дом добела отдраить. Достаточно было просто не потерять тонус. Но он стабильно пропадал на следующее утро. И снова три дня — олицетворение сонливости и дрёмы.

Бывало, заходил Кольг — давний товарищ отца. Он приносил еды и любил подолгу поболтать со своим другом. Неприятный, но полезный, потому что навещал не с пустыми руками. Третий день и в этот раз оказался совершенно бездарным, как и предыдущие два. Спать охота.

Глава 2. На ужин — ВГЧ

В полдень, особенно в таких клоках, как «Кварц», всё было иначе. Утро, день и даже поздний вечер — это те отрезки дня, когда не страшно ходить по улицам. Никаких тебе внезапных знакомств, которые кончаются коликами в животе. Здесь лишь куча никому не нужных медалей, тазы, ковры для ног и целый ворох того, что можно продать на блошином рынке. Шум, скопление народа, но минимальный шанс того, что поход за очередной безделушкой обернётся чем-то трагичным. В таких местах совершенно обычные люди и назначают совершенно обычные встречи. Эта была как раз из их разряда.

— Здравствуй. Я почему-то всё равно запомнила тебя на фоне божьих коровок, — Моника обратилась первой.

Венди вдохнула, ощутила исходящий от собеседницы запах, и по телу аж мурашки пробежали. Она не подала виду.

— В следующий раз я обязательно их приведу. Слушай, прости, конечно, за прямоту, — Венди поздоровалась, коснувшись чужой ладошки, — но тебе так правда удобно? Сколько эта дрянь весит?

Она уставилась на плащ своей новой знакомой, который был сделан из множества маленьких металлических пластин. Они казались очень тонкими и лёгкими, но даже так подобную картину раньше видеть не доводилось. Чем-то напоминало чешую какой-то там рыбы, название которой не больно-то хотелось вспоминать.

— Мера безопасности, вот и всё. Я порасспрашивала о клоке, в котором мы встретились. Паршивее, чем я думала. Мне, видать, продали какую-то не такую карту.

— Добро пожаловать в Торакс. У нас тут любят паршивость.

— Ну нет, почему? Это место нужно понять. Главное — быть начеку.

— На каком ещё «чеку»? Тут сразу бьют по вискам и горлу, — захотела сказать Венди, но засомневалась, что с таких слов стоило начинать знакомство. — По тебе видно, что ты не отсюда. Вид бросается в глаза, без обид. Просто лучше не выделяйся.

— Мне так хорошо. У тебя вот, кстати, тоже бросается.

— Куда это? — она осмотрела себя и ничего странного не нашла.

— В глаза. Вот эта вещица, например, — девушка показала на куклу какого-то красно-белого зверька с длинными ушами и рогами, что была прикреплена к сумке булавкой. — Тоже выделяется и смотрится необычно. Сувенир?

— Не сувенир. Ричард. Я просто умею вязать кукол. Удивительный талант, да? А главное, очень нужный в этом месте.

Девушка кивнула, словно соглашаясь.

— Варганю их иногда. Просто так, когда нужно выбросить из головы немного чуши. Но я-то знаю, как работает Торакс, и могу за себя постоять. А вот тебе и правда лучше переодеться при удобной возможности.

— Поняла. Хорошо, — Моника немного замялась, ожидая, пока орущий продавец рыбы пройдёт мимо, и его не придётся перекрикивать.

— Да-да, я помню, предложение по работе, всё такое. Объявляю собрание открытым.

— Немного не об этом. Мы можем обсудить его в пансионате, где я живу? Это место похоже на рынок, и мне тут не нравится. Шумно и воняет едой. А там безопасно и тихо. Или тут так не принято?

— Дьявол, я тебя умоляю. Пансионат так пансионат. Айда.

— Замечательно. Это тут, совсем недалеко. А по пути задам пару вопросов, на которые нужны ответы. Деньги, если что, при себе есть.

Венди поджала губы и закатила глаза, пока та не видела. Человек рядом был явно недалёк и слишком беспечен, раз раскидывался такими словами. Но дураков учить толку нет, потому что не достучишься. Их научит жизнь, и уроки эти наверняка будут болезненными. Вот только тогда запомнят.

— Отлично. Задавай.

— Для начала всё тот же вопрос, который я уже и задавала во сне, — медленно протянула Моника, начав идти в нужном направлении. — Ты нигде не работаешь? Может, учишься?

— Это какой-то паскудный вопрос для первого знакомства, — хмыкнула та, когда оказалось не так шумно. — Ну, я играю в ансамбле. Почему спрашиваешь?

— Боялась, что не сможешь совмещать. Но если ты в ансамбле не целыми днями играешь, то отлично! Моя работа не будет мешать твоей основной деятельности, уверяю. Я объясню, когда придём. Пока просто заурядные вопросы, но не удивляйся. Мне интересно то, что тебе кажется заурядным.

Венди сладко зевнула и одобрительно мотнула головой. Эпицентр шума остался позади, потому собеседнице уже не нужно было повышать голос, чтобы докричаться. Та достала листок с карандашом и принялась что-то чёркать.

— Ты здесь родилась, правильно понимаю?

— Правильно.

— Опиши мне Торакс в трёх словах. Вот так, как ты его видишь. Только без прикрас.

— Вагоны, асфальт, произвол. Выживание. Дефицит. Жалкость. Тошнота.

— Ой-йой, нет. Нет, мне нужны три, максимум четыре.

— Ты выбери любые. Любые три из названных — не прогадаешь.

— Так, ага... — Та обвела слово «вагоны» в кружок. — А вот всё это: выживание, дефицит и так далее — давно он такой? Ваши предки жили в такой же атмосфере?

— А ты сама откуда, прости?

— Тотше⁶.

— А, ясно. Вам о нас мало рассказывают. Наверно.

— Мало. Там... Своеобразное образование, скажем. Потому и спрашиваю.

— Ну, — Венди ещё раз зевнула, — после Риджикта такое вот началось. Сколько там прошло, три десятка лет? Четыре? Мои родители появились на свет в нормальных условиях, в общем. Детство их ещё так-сяк выдалось, а вот юность не очень.

— Так... Хорошо, хорошо. Я понимаю, почему ты сказала про поезда. Тут очень много перевернутых вагонов. Тоже последствия землетрясения?

— Землетрясения, шутишь? Ты не смягчай понятия, хорошо? — недружелюбно улыбнулась Венди. — Землетрясение — это когда само по себе. Риджикт применили тектоническое оружие и сравняли город с землёй. Это не просто «землетрясение», ладно?

— Буду подбирать слова в таких темах. Впредь.

— Ага, — бросила Венди, даже довольная тем, что собеседница не отреагировала как недотрога и неженка. — И вагончики, и потрескавшийся асфальт — это с тех пор, да. Немного неловко встречать гостью вот в таких условиях, но как есть. В основном всё плохое пришло от Риджикта. Его здесь не очень жалуют. Но если ты

⁶ Дамон-Тарр состоит из пяти государств: двух противоборствующих сверхдержав, Риджикта и Хикаридуса, на западе и востоке соответственно, независимого Тотше на севере, разрушенного Торакса на юго-западе и Эксимы, которая некогда решила отделиться от земли и обитать в небе.

скажешь кому-то, что из Тотше или любого другого города, то отнесутся как к своей. Главное, что не Риджикт.

— А ты? Ты не сильно любишь Торакс?

— Хорошо сказала, — Венди устало рассмеялась. — Не сильно. Вот уж чего нет — того нет. Как-то не получается проникнуться нежными чувствами к этим сказочным видам.

Пока они говорили, ноги словно сами завели их в другую часть города — Венди сразу замечала такие вещи. Здесь улицы были ещё чище, а людей побольше. Она никогда не работала в клоках, которые охраняются. Девушки зашли во двор, закрыв за собой калитку.

— Извини, буквально один момент — и продолжим, — сказала та и завязала разговор с дежурными и старожилами на четверть часа. То ли она решила поговорить с каждым, то ли те мямлили что-то неразборчивое, а ясного ответа дать не могли. Документов у Венди с собой не было, но в конце, когда её попросили подойти, суровые морщинистые лица смягчились — видать, надоело вертеть носом. Моника махнула головой, чтобы знакомая шла за ней.

— Я как-то даже не подумала, что попросят показать твои документы. Неувязочка.

— И как получилось решить?

— Деньги. Деньги работают по одинаковым правилам на всех материках, тем более уж в городах.

— А ты, я вижу, концы с концами не сводишь. Довольно безопасный клочок. Но дорогой.

— Да, тут недурно. Только номера серые и унылые до безобразия.

— Серые... что? Ну, в доме в смысле?

— Это пансионат. Да.

— Понимаю, настоящая беда. Можно даже бездомным позавидовать, — съязвила Венди.

— Беда или нет, а красок этим номерам не хватает. Мне вот важно, чтобы жильё оставалось не мёртвой коробкой. Потому я постаралась приукрасить это гнёздышко как смогла. — Моника провернула ключ в двери и первой вошла внутрь.

Жилище напоминало небольшую, но уютную гримёрку. Повсюду были расставлены украшения, а само помещение тонуло в мягких жёлтых цветах гирлянд. Именно те оттенки, которые не режут глаза от стерильности и в то же время не отдают сепией. А в целом комнатуха с широкой кроватью, креслом-качалкой, гримёрным столом и цветом обоев, что клонит в сон.

— Красиво. Уютно. Мило, одним словом. Сколько разных мелочей.

— Ты правда не представляешь, какая это была дыра, пока я не накупила целую кучу украшений. Что ни говори, а они действительно придают атмосферу. Смотри, узнаёшь?

Моника качнула ловца снов возле входа, и Венди сразу переключила своё внимание на него.

— Твой асабикеши! Какой пёстрый. Вот из-за него мы и встретились, будь уверена. Наши сути увидели друг друга.

— Ты что, увлекаешься всякими там... Мистикой, одним словом, да? Не знаю, как это назвать.

— Я увлекаюсь тайными знаниями, — поправила Венди, трогая перья ловца, — в которых разбирались наши предки. Но я пока не всё знаю, потому что сложно искать информацию. Не до конца понимаю, как именно это работает.

— Это — это что?

— Как люди пересекаются друг с другом. Как среди миллионов других находят нужное, и происходит ли это случайно. Человеческие и природные связи... В книге, которую я читала, это называется «Цэплагáншэ», то есть «окрыление». Цэп-ла-ган-шэ.

— Ого. Высоко метишь. — Моника села на гримёрный стол, а Венди устроилась на краешке кровати. — А почему сложно искать информацию?

— Книг катастрофически мало. У меня только четыре, но найти что-то ещё на подобные темы так себе выходит.

— Сны?

— Сны, божества, природа. Любые знания о том, что не увидишь каждый день.

— Я поняла тебя.

Возникла пауза, которая уже появлялась недавно и была понятна обоим. Следовало перейти к главному.

— Каких-то закусок у меня нет, к сожалению.

— Пустое, — махнула рукой Венди и зевнула. — Начинай.

Моника улыбнулась так, будто хотела бы ещё оттянуть момент. Она задумалась, а вот что сказать, нашла не сразу. Но собеседница терпеливо ждала.

— Ну, у меня в городе есть дело. Я что-то вроде исследователя.

— Что-то вроде?

— Что-то вроде, да. Есть одна программа, с помощью которой молодые добровольцы могут отправиться в другие города нашего континента. Её организовал Хикари́дус для всех, кто подходит по критериям. Что-то вроде культурного обмена, но по факту сбор информации.

— А сами они сюда приехать посмотреть не шибко хотят, да? Их исследователи, я имею в виду.

— Не знаю. Предложение было, и я в нём заинтересовалась.

— Поздравляю, — Венди издала нервный смешок, — тебя немного обманули. Закинули одну дьявол знает куда, дьявол знает за какие коврижки.

— Ну, ты перебиваешь. Перебиваешь и делаешь поспешные выводы, Венди.

— А я не права?

— Нет. Я приехала не одна, а с комитетом. Он спонсирует меня, предоставляет жильё, еду и все необходимые вещи. Я могу договорить, пожалуйста?

Собеседница скептически кивнула. Моника постаралась снова собрать воедино рассыпавшиеся мысли.

— Собственно, моя задача — исследовать Торакс. Разные его места, разные аспекты. Фотографии, описания, вещдоки — всё может быть уместным. Широкая научная диссертация, в общем. Но мне немного сложно справляться одной. Я сейчас не об опасностях на улице, а о культурном плане.

— О культурном?

— Да. Я не понимаю, почему никто не убирает проржавевшие вагоны с улиц, почему попрошайки просят не деньги, а воду, и чем вообще живут местные. Не понимаю, почему город выглядит так, будто его разрушили только вчера. А ведь прошло больше тридцати лет. И мне нужна помощь знающего человека, потому что для меня жизненно важно, чтобы мою работу утвердили.

Моника замолчала.

— Всё? Закончила?

— Кажется.

— Тогда разъясню свою позицию, можно?

Та уверенно кивнула.

— Как я и говорила, то, что ты не местная, это довольно быстро замечается. Я бы избежала разговора с тобой, будь ты из Торакса, но ты выглядишь довольно... М-м-м, как бы это... Благородной, допустим. Я тоже человек, который не будет тебе пакостить, хотя оснований верить мне у тебя нет, как и наоборот. Сейчас доверие строится только на первых впечатлениях. Но мне важна некая ясность в этом плане, я не хочу слепых «сделай и не спрашивай ни о чём». И хочу знать, кому и для чего я помогаю. Улавливаешь мой следующий вопрос?

Моника жестом попросила озвучить его.

— Какая цель? Потому что, знаешь... Для меня приехать сюда просто, чтобы подзаработать или ради похвалы шишек из зарубежья, — это поступок тупого и полоумного человека. Это не цель. И если это так, то плюй на комитет и уезжай. Мне важно знать не многословный, но честный ответ. Ты здесь для чего?

— Ох ты... — опешила Моника, но вопрос её заинтересовал. — Мне нравится такой поворот. Цель есть. Выше, чем хорошая оценка, признание и деньги. Можно назвать это мечтой, до которой я могу дотянуться. И...

— Всё, этого достаточно. Говорю же, не многословный, но честный. Думаю, слова "мечта" было бы достаточно.

— Радует, что не разочаровала ответом.

— По правде, ты не выглядишь как пустоголовая девчонка. Хоть и разгуливаешь ночью дьяволы разбери где. И что б тебя! Не нужно говорить незнакомым людям, сколько у тебя с собой денег, тем более посреди рынка. Ты — клоп. Такой же мерзкий клоп, как и я, как и все другие. Настолько клоп, что никто не должен засомневаться в этом. Ладно?

Моника бросила неоднозначный взгляд согласия, который Венди запросто парировала, и просто пожала плечами.

— Вот только деньги мне и правда нужны будут. Нет возможности помогать так. Извиняюсь, если слишком прямолинейно.

— Само собой.

— Три спондея нормально будет за целый день?

— Давай сойдёмся на триптихе⁷, идёт? Я не хочу пользоваться тем, что в Тораксе проблемы с финансами. Триптих, но чтобы мы друг друга точно понимали, ладно?

Венди и не пыталась скрыть свой косой взгляд, полный недоумения и сомнений.

— А ты с приветом, да?

— Мне так будет легче. Можешь считать, что у меня свои тараканы.

— Хоро... шо? — девушка всё ещё не понимала, какую интонацию подобрать на такое предложение. — Можно и триптих, но будем смотреть по ситуации.

— Идёт. Что по сегодня?

— Полегче. Это просто разговор, поэтому не заморачивайся.

Гостья уточнила время и день их первой встречи. Обеих всё устраивало.

⁷ Триптих — куда более высокий номинал, чем «спондей». Это хорошая сумма за пару часов работы по меркам материка и просто огромная, если брать непосредственно Торакс.

— Отлично. И всё равно, Моника, лучше купи нож и всегда ходи с ним. Даже если просто хочешь вынести мусор.

* * *

Ночью замигал браслет. Венди не успела выйти — отец попросил насыпать ему еды. Уже через минуту она протянула тарелку. Тот привстал и положил посуду на колени. Жестом попросил ладонь, и девушка протянула левую. Поверх легли его пальцы. Нужно будет помыть руки.

— Куда ты так поздно идёшь?

— Выступаем у богачей. Меня друзья проведут, не переживай.

Мужчина коснулся её руки. Ему нужны были эти невзаимные касания.

— Сейчас холодно. Набрось поверх накидку.

— Я надела тёплый гольф.

— Хорошо. Проголодалась, наверное?

— Нет. Недавно ела.

— Умница. Возьми с собой пампушки на всякий случай. Ребят угостишь, или сама съешь.

— Ребята не едят такое. Всё будет хорошо.

Оба на какое-то время замолчали.

— Венди, ты главное... — отец задумался и не смог найти подходящих слов. — Главное, не ходи по переулкам. И не простудись.

Она кивнула. Ему было достаточно.

Хтоника передвигалась быстро. Ей был знаком каждый закоулок, каждая стена клоков, что не могли похвастаться здоровым образом жизни. Обычно она была на месте ещё до того, как цель делала первый шаг.

И снова только пятеро — больше в таких случаях не нужно было. Шоэнт тараторил и периодически кашлял от сигаретного дыма, что пускала Нерра.

Дарко гладил дворнягу, прибившуюся пару переулков назад. Он сидел на земле и просто смотрел в стену. По такому виду не скажешь, что у слов информатора есть шансы быть услышанными.

— «Древоточцам» не нужен этот человек. Нужно изобретение и всё, запомнили?

— Я никак не пойму, — бугай почесал щетину. — Это же просто наконечник на палець.

— Правильно. Который очищает кровь, фигурально выражаясь. Ты знаешь, что такое сепсис?

— Кольцо.

— Какое кольцо?

— Бычачье, — Брикк коснулся своего носа. — Кольцо в носу.

Нерра выругалась на товарища.

— Нет, — ещё раз попытался объяснить информатор. — Это инфекция. А нужная нам вещь лечит и её, и целую уйму заболеваний крови. В Тораксе людей, у которых проблемы с этим, как червей в животе у покойника. «Древооточцам» нужен этот прибор. Всё. Сходятся узелки в мозгах?

— Шли бы вы. Не буду лезть больше, главное, чтоб выгодняшно было.

— Правильно, не лезь. Делай работу.

Все ждали ещё с пару минут, потом Венди пришла в себя и заговорила.

— Вот, он вышел. Туда. Примерно два-три перекрёстка в этом блоке, — она указала пальцем на север.

Группа разделилась. Кто-то пошёл широкими дорогами, кто-то через дворики, некоторые держались позади, но каждый понимал, куда ему нужно. Все собрались за углом дома на тёмной улице. Пара приоткрытых окон и дверей, но ни человека, ни даже бездомной собаки в округе. Прячутся, кто в подкопах, кто в тошнотворных квартирках. Полная свобода действий, оставалось всего чуть подождать.

— Зашёл.

Нерра и Шоэнт замыкали улочку с двух сторон, остальные прятались посередине. Здоровяк держал битую наготове.

Послышались шаги, что становились ближе и ближе. Эти люди умели подобрать идеальный момент. Венди махнула кистью. Размашистый удар битой, от которого хрустнуло колено.

На упавшего тут же накинлось несколько человек. В руке Нерры оказался шприц без иглы.

— Я безоружен, я лежу! Не...

— Шёпотом, — сказал Дарко и прикрыл ему рот рукой.

— Не нужно, не нужно! — впопыхах сказал тот. — Всё отдам, всё, что хотите.

Пока мужчина переживал за свою жизнь, кончик шприца едва коснулся губы. Так, что молящий и не заметил.

В Тораксе многие знали про неоднозначные способы. Каждое звено придумывало свой. Этаким случай, когда бита надоедает, а извращений хочется. Непосредственно этот способ придумала Нерра. Человек из неё был паршивый, но как ключевая часть Хтоники она состоялась хоть куда. Смесь миловидной внешности, перепадов настроения и невзаимной тяги к людям. Она к ним тянулась с душой, те отворачивались, и тогда в ход шло насилие. Кулаки она пачкала с удовольствием и любила, когда ей тоже достанется. Не до онемения тела, но чтобы на утро костяшки саднили.

Было у Нерры увлечение — давать своей жертве сыграть в долгосрочную рулетку. Когда ситуация позволяла не наброситься и не отнять жизнь, колпачок шприца без иглы, что она носила с собой, обнажал её любимую забаву.

По словам Нерры, у неё в товарищи давно затесался один полоумный, который за несколько сигарет пускал ей в колбу свою слюну. Слюна та была нездоровой — жил в ней вирус герпеса, который Нерра называла для краткости «ВГЧ». Она же и рассказала, что он, вирус этот, особенный для каждого человека — может сыграть в организме, а может заснуть и не проснуться.

И в какой-то период (Нерра не любила рассказывать, когда именно) вышло так, что она заразила человека больной слюной. Это оказалось быстро и не больно — палец просто-напросто легонько давил на поршень, а из кончика шприца на губы или в рот жертвы вытекала заражённая слюна — в этот момент инфекция и срасталась с человеком.

Нерра и сама считала это странным, но описать эйфорию от действия сего могла: загадка ей нравилась — минует время, а она гадает, жив ли он, человек, пронесло ли, или вирус в остатке победил. Хоть в сам момент заражения и обволакивало возбуждение — оно быстро проходило и былых эмоций уже не несло. Всё дело было в перспективе и тайне.

— Шёпотом.

— Умоляю, — подчинился тот. — Я всё на свете сделаю.

— Доставай руки.

Дрожащие ладошки тут же оказались на виду. На указательном пальце был наконечник, который положено было забрать.

— Смотри на меня. — Дарко взял его за щёки и уставился прямо в глаза. Тот не уводил взгляд. — Тихо. Тихо.

Кто-то из группы прижал ладонь ногой. Лежащий почувствовал, что чуть выше промежуточной фаланги что-то сильно надавило. Будто дощечка, краем которой изо всех сил надавили на палец.

— Не нужно. Это для больных. Оно вам не нужно. Умоляю.

— Смотри на меня. На меня. Исчезай шёпотом.

Палец отсёкся точным ударом, будто палач работал. Тело попыталось приподняться от боли, но его плотно прижимали к земле. Рот закрыла грубая ладонь.

— Молчи. Или я отрежу всю руку, клянусь.

— За что? — Из глаз полились слёзы, а слова глухо звучали сквозь ладонь. — Что я сделал, за что?

Никто не ответил на этот вопрос, хотя услышал каждый.

— Венди?

— Я не вижу никого опасного поблизости. Порядок.

— Прекрасно. Шоэнт, эта дрянь под твою ответственность. Завтра отдадим «Древоточцам».

— Понял. Запомнил. Это всё?

— Да. Расходитесь.

Дарко отвлёкся от цели под ногами и вцепился Венди в рукав. Это значило, что ей нужно подождать. Все побрели в своих направлениях, кто куда. Остались они вдвоём и человек, что стонал и ныл под ногами. Лидер мог уговорить его. С самого начала мог отобрать слова так болезненно, как никто не умел. Но не стал. Ему важно было выиграть игру, а не изначально сделать себя победителем.

— Помогите. Кто-то, — он будто кряхтел сам себе.

— Венди, может поболтаем, что думаешь? Есть одно место. Хочу тебе его показать.

— Да, я совершенно свободна. И спать не хочу.

— И домой не нужно?

— Он подождёт, не переживай. Действительно не мешало бы проветриться. Пошли.

Они ушли, а человек так и лежал на полу, держась за палец, пытаясь контролировать сбившееся дыхание. Он кряхтел, но старался не издавать громких звуков. В нём поселился страх, что люди с битами могут нагрянуть снова, откуда угодно. И тогда шприц уже не остановится на полпути. Но его потуги встать, его жалостливое мычание было слышно по округе. Никто из проходящих по соседней улице не подал вида, что на асфальте лежал раненый человек. Те, кто прятались в квартирах и подкопах, просто не поворачивались в сторону всхлипов. Рано или поздно тишина вернётся.

— Миста, — сдавленно плакал он. — Любимая моя Миста, прости меня. Прости.

Дарко любил диалоги лицом к лицу. Он раскрывал людей и прочитывал их от корки до корки, стоило ему лишь задать вопросы и услышать ответы на них. Разговоры с близкими ему были особо важны. Каждый раз новые разговоры в новом месте.

Эти диалоги были чем-то очень личным. Бриккт, Нерра, Шоэнт и Венди никогда не делились друг с другом подробностями таких свиданий. То ли дело новички. Они шушукались и разрушали всю эту неповторимую атмосферу. Не понимали пока ни романтики Торакса, ни природы Хтоники.

Сейчас Венди сидела напротив Дарко в подсобке разрушенного завода. Слева — маленький фонарь, справа — их тень. У парня из носа потёк мазут или ещё что. Не то, о чём стоит задумываться и тем более спрашивать.

Он был словно альбиносом, что окрашивал свою суть в чёрный и как-то умудрился занести черноту и в цвет глаз. Шоэнт как-то говорил, что давным-давно там мелькал красный, но он давно забыт. Его бледная кожа, светлые ресницы, такие же волосы и темень в глазах — это игра контрастов.

Зачастую, во время затяжных диалогов, лидер постоянно смотрел на ноги собеседника. Будто стоит ему встать раньше времени, и он их самолично переломает. Венди этого не боялась. Они умели чувствовать друг друга.

Дарко часто вёл себя так, будто у него озноб: пытался согреться, тяжело выдыхал, обычно через зубы, а если присмотреться, можно было заметить, что его тело слегка подрагивает. Во время таких разговоров это было особо заметно.

Они не спешили перекидываться словами. Вся суть была в атмосфере. На потолке образовывался чёрный конденсат. Много-много капель, по консистенции точно карамель, но смоляного цвета. Одни зависали у самого потолка, другие оставляли за собой тонкую ниточку и проделывали свой путь до самого пола. Некоторые попадали и на неё. Венди чувствовала, как густые капли стекают по волосам, по одежде, но не по коже. Живого капли не касались. Хотелось или вытереть их, или размазать. Но это было бы неправильно. В них заключалось то, чего не понимали новенькие. Это был мрак, к которому не так сложно было привыкнуть. В этом и была особенность Дарко — приносить темноту туда, где её не хватает.

— У тебя бывает ощущение, что ты заболела раком?

— Раком чего?

— Наверно, понимания. Или раком себя самого. Бывает такое, что ты ощущаешь себя опухолью, чудо?

Так он её часто называл — «чудо». Дарко ценил агрессивный нрав Нерры и тяжеленные кулаки Бриккта. Те могли ломать кости на ура, могли даже задушить за считанные секунды. Но это не было ароматом. Не было даром. Дарко же владел им. Потому дёготь смешивался с кровью на его лице, потому в местах, куда никто старался не соваться, ему было комфортно как никому другому. Здесь, в маленьком помещении для двух людей, присутствовали и две стихии. У девушки напротив была власть, только своя, не мрачная — он это понимал. Совсем другая, завязанная на размеренных шагах и правильных дорогах, а не на возбуждении от вида крови. Мрак и тропы не забывали о взаимоуважении. Ни в коем случае не забывали.

— Нет.

— Значит, ты понимаешь, для чего всё это?

— Хтоники?

— Хтоники.

— Конечно. И понимаю свою роль. Ты её знаешь.

— Да. Да, знаю.

Он размазал чернила по левой щеке.

— Новички не понимают сути. Поэтому умирают за просто так. Трусят. Мне плохо от этого. Нерра поймёт, о чём мы сейчас. Шоэнт тоже. Бриккт... Тупой мешок с костями. Это биомусор, Венди. Но я ценю его. Он никогда не поймёт, я думаю, но таким и не нужно. Есть такие — люди, которые не спрашивают лишнего.

— Зато остальным приходится. Чтобы всё проходило успешно.

— Вы должны. Должны. Иначе бы это было странно. Ты, например. Не только ищешь дорогу, но и понимаешь, зачем нас ведёшь по ней. Если бы ты только искала, мне бы было плохо.

Многие здесь будут цепляться за чудо. За салюты, за парный танец посреди улицы и птичий клин. За всё, что непривычно глазу. Тут этого не хватает ещё больше, чем чистой воды. Поэтому новенькие выходили такими испуганными после этих разговоров. Нерра, Венди и Шоэнт понимали, что эти чёрные капли, в которых сама суть падения, — своеобразное чудо. И никто точно не знал, в чём суть его аромата. Он появлялся в разных формах в совершенно разное время. Можно было дать общее описание — мрак. Неповторимый. Главное — не перебрать с ним.

— Получается откладывать на выезд, да?

— Да. Постепенно.

- Сколько уже?
- Цены, о которых ты говорил, не поменялись?
- Ничуть. Цена такая же.
- Примерно шестьдесят пять процентов.

Он покачал головой. Ему было всё равно, сколько там процентов у неё накопилось.

— Он тебе не нужен. Отец.

— Но это моё решение, — холодным тоном перебила Венди. — И я уеду только с ним.

— Он тянет тебя вниз, чудо.

— Нет, Дарко. Мы уже столько спорили с тобой. Я — часть Хтоники. Я ищу дороги. Привожу нас куда нужно. Каждый раз. Только благодаря ему, поверь. Иначе бы я так далеко не зашла.

Он поднял взгляд. Его не просто читать: то ли Дарко хотел вскрыть ей грудную клетку, то ли действительно был согласен. Он всегда смотрел и говорил спокойно, будто Нерра и Бриккт украли его громкость.

— Странно. Меня почему-то начали привлекать скальпели. Иногда хочу взять один и достать опухоль из тех, у кого проблемы в черепной коробке. Даже не так. Опухоль самого себя. У кого болезнь самого себя.

Она кивнула, тут нечего было ответить.

— Я так надеюсь, Венди, что у нас с тобой её нет. Иначе нам не повезло. Как же нам не повезло.

Он вытер новую струйку, потёкшую с носа, и уставился на запачканную руку. Всё вокруг было в порядке, а чёрный прекрасно гармонировал с однотонной картиной вокруг. Через минуту-другую мрак расслабленно выдохнул. На них по-прежнему светил фонарь. Достаточно яркий, но только на первый взгляд. В действительности же они сидели практически в полной темноте. Дарко поглощал свет. Этот человек в одиночку был мрачным слоем Торакса, что расстелился ещё глубже его корней.